

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Груздева*
Редактор серии *А. Антонова*

Барсова, Екатерина.

Б26 Солнце завтрашнего дня / Екатерина Барсова. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-111906-5

Первое же дело Павла Рудягина оказывается необыкновенно сложным и запутанным. Это череда странных и страшных убийств, загадочным образом связанных с творчеством великого Пушкина. Чтобы разобраться в истории, корни которой уходят далеко в прошлое, молодому неопытному следователю придется вытащить на свет немало мрачных тайн. Пытаясь понять, какую роль в жестоких убийствах играют стихи Пушкина, Павел просит о помощи сотрудников историко-консультативного центра «Клио», и Василий с Анной рассказывают ему много интересного о тайной жизни поэта. Оказывается, он был секретным агентом на службе у правительства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Барсова Е., 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-04-111906-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРОЛОГ

*И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые, — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые...*

А. С. Пушкин

Боже! Было не просто холодно, а омерзительно холодно — ледяная мгла проникала под кожу. Дышать было трудно. Он старался делать вдохи как можно реже, но это помогало мало, в какой-то момент показалось, что еще немного — и его скрутит беспощадный сердечный приступ. Один раз так уже было, но слава небесам — отпустило, а вот теперь...

Он видел перед собой спину проводника и старался не отставать от него. Если разрыв увеличится, он может упасть и не подняться, а проводник так и будет идти вперед, не оглядываясь. Ужасно... В душе шевелился зыбкий страх, что эта тягучая зимняя мгла в конце кон-

цов поглотит всех. И никого не останется... Они уйдут под воду, и их тела найдут по весне.

Он обругал себя, поморщившись: ну что ты, как баба! Разнюнился, усмехнулся он про себя. Боевой офицер, а струсил. Если суждено тут умереть, значит, пусть так... Он глубоко вздохнул, ледяной воздух проник в легкие, и он закашлялся... Спина впереди слабо шевельнулась, но проводник не остановился, только немного замедлил шаг. Смерть, она всегда рядом, неожиданно подумал он. При слове «смерть» возникла картинка из детской книжки, которую он читал своей дочери пяти лет от роду. Машуле, Машеньке, Мышке, Мышонку, как ласково звал он ее за любовь к сказке про Щелкунчика... Еще они очень любили сказки Пушкина. Маша уже нарисовала кота на дубе со золотой цепью. Цепь напоминала пшеничные зернышки — одно к одному... Кот был красивым, черным... Как Лиза останется одна — он даже себе и не представлял этого. При воспоминании о дочери и жене стало плохо, реально плохо... Ну ничего, сказал он сам себе, стиснув зубы, я только обустроюсь и вызову их. Не могут они находиться *там*... Наступает царство безбожия, даже страшно подумать, что с ними станет. Он вознес Богу молитву — горячо, испуленно, он хотел приблизить тот момент, когда они все воссоединятся и заживут обычной жизнью. Он вдруг подумал, что, наверное, для России понятие «обычная жизнь» еще долго будет не-

привычным. Она вырвана из естественного хода вещей и теперь истекает кровью. Что ждет страну? Об этом не хотелось и думать... Повинуясь неожиданному импульсу, он достал из кармана медальон и покачал им. На медальоне было изображение двух людей — матери и дочери. Самых дорогих и близких ему людей. Да не разлучит их и смерть... Он приложился губами к холодному металлу и поцеловал. Губы обожгло холодом.

Дорогая, шептал он, дорогая, дай бог свидимся...

Проводник обернулся и остановился.

— Что такое? — хриплым голосом спросил он.

— Скоро уже придем? — почти беззвучно шевельнул губами мужчина.

— Еще немного. Постарайтесь не отставать... Поднимается сильная выюга. Если вы остановитесь, то упадете и... — Он выразительно замолчал.

— Да-да, я понимаю... — Он поднял голову к небу. Иссиня-серому, мрачному... — Все будет хорошо... и я вернусь, — вырвалось у него. Он размашисто перекрестился, и тут очень странное и неприятное мелькнуло перед глазами, как будто он на белом снегу увидел две соединенных руки, а в них — засушенную розу. Видение было таким ярким и четким, что он помотал головой, чтобы прогнать его. Резкий порыв ветра ударил ему в лицо, и он зашептал слова молитвы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТАЙНИК, НАЙДЕННЫЙ НА КРЫШЕ

*Из мудрых никто не осмелится
на следующие три вещи: к царям при-
ближаться, пить яд для пробы,
верять тайну женщине.*

ИОАНН ДАМАСКИН

ПРИМОРСКИЙ ГОРОД. 12 ЛЕТ НАЗАД

Он поднялся на чердак. Это было его любимое место. Он часто поднимался туда и ощущал непонятное жжение в горле, словно его охватывала жажда и хотелось пить. Он предусмотрительно запасался большой бутылкой с прохладной водой, откупоривал ее и начинал пить жадными большими глотками. Напившись, он закрывал бутылку и приступал к своему ритуалу, не изменявшемуся на протяжении вот уже двух лет. Этот чердак достался ему по наследству. Он жил на последнем этаже старинного дома, находившегося в нескольких метрах от моря, и прежде на этот чердак, превращая его в кладовку, складывала разные вещи его мать. В помещении сто-

ял чуть кисловатый запах, как от человека, который не мылся несколько дней. Он хмурился и пытался внушить матери, что старые вещи нужно выкидывать, а не ждать, пока они окончательно истлеют. Но его, как всегда, не слушали. Ах, ах, смеялась звонким голосом мать, что ты такое говоришь, это еще послужит тебе и мне... При этих словах она разворачивала какую-нибудь ветошь типа старого пальто. Встряхивала его и кидала ему, чтобы он поймал на лету. Он ругал себя последними словами, но ловил это тяжелое, пропахшее нафталином пальто, а поймав, стоял с непонятым выражением лица, ожидая дальнейших приказаний.

Мать два раза в год перетряхивала чердак. Старые вещи разворачивались и внимательно пересматривались. Иногда отправлялись на помойку, в основном складывались обратно. Зачем ей нужен был этот осмотр — он не знал. Да, они жили трудно с тех самых пор, как пропал отец, но ведь не до такой степени, чтобы складировать всякую рухлядь. Отец исчез из их жизни, когда ему было пять лет. Воспоминания об отце распадались на маленькие калейдоскопичные эпизоды, которые трудно было свести в одну картину. Он помнил, как крепкие отцовские руки подхватывали его и поднимали ввысь, и тогда он видел море и набережную, церковь, старые дома, песчаную полосу пляжа... Помнил он и руки отца — крепкие, мозолистые...

Отец, по словам матери, однажды просто не пришел домой. После заявления в полицию завели дело об исчезновении. Были опрошены соседи, знакомые, коллеги отца, но все было тщетно. Никаких следов, он словно испарился и превратился в морскую пену, как русалочка из сказки Андерсена, которую мать читала ему в детстве. Потом дело сдали в архив, и они с матерью стали жить вдвоем. Мать выбивалась изо всех сил, стараясь поддержать достойный образ жизни, но ее работа была неквалифицированной, и платили ей мало. Он привык к тому, что питались они скромно, он подолгу носил одежду и обувь, мать не баловала его игрушками и другими вещами. К этому он привык. Смириться с отсутствием отца было значительно труднее. Он мучительно завидовал тем, у кого отцы были, не важно какие: богатые или бедные, красивые или страшные, высокого роста или маленькие, примерные семьянины или алкоголики. Все это казалось ему неважным. Главное, сам факт наличия отца. Он с тоской смотрел на приятелей, которых воспитывали отцы, вели с ними мужские разговоры, наставляли, ругали и поддерживали. Втайне он злился на мать, но старался ей этого не показывать, хотя с годами это становилось все труднее.

Когда он подросток, то попытался расспросить мать: куда же мог пропасть отец? Не было ли у них ссор, как они жили? На все вопросы мать

отвечала уклончиво, и складывалось впечатление, что отец был призраком, он словно и не существовал.

Но все же, но все же... Он часто натыкался на незримые, но оттого не менее ощутимые следы отца, его книги, вещи, которые мать не снесла на помойку, а отправила на чердак. Он подозревал, что именно после исчезновения отца мать и превратилась в мадам Плюшкину, трясущую над каждой вещью. Наверное, она не чувствовала себя уверенно в этом мире, и обилие предметов внушало ей чувство собственной значимости. Понятное дело, это были его думы, а как обстояло дело на самом деле — он не знал. Мать с ним своими сомнениями, мыслями и страхами не делилась.

Она работала уборщицей в поликлинике и еще подрабатывала посудомойкой в одном кафе. Приходила поздно, кратко говорила с ним и шла спать...

В его занятия она особо не вникала, учеником он был средним, учеба его интересовала мало. Ему не нравились ни технические, ни гуманитарные предметы. Кроме, пожалуй, истории. И то — выборочно. Но в отцовской библиотеке были старинные книги. Он любил доставать их, рассматривать... Книги были с ятями и ижицами. Ему нравилось читать их, перелистывать пожелтевшие страницы и вглядываться в виньетки, украшающие текст. Откуда они взялись — он не знал...

Жизнь текла параллельно... У матери — на работе, у него — в школе и дома. Он любил оставаться один, когда ему никто не мешал. Сам делал уроки, потом читал книги или уходил гулять. Друзей у него было немного, среди них — девчонка, с которой он учился в художественной школе. Втайне он был в нее влюблен, но она словно не замечала его... И это ужасно злило. Иногда он представлял, как она оказывается полностью в его власти и он делает с ней все, что хочет...

Однажды он узнал правду, которую старалась скрыть от него мать. Его отец был вором, и пропал он, видимо, не просто так. Скорее всего, его убили свои же, а тело выбросили в море. Поэтому его и не нашли...

Он уже привык к жизни с матерью и не мыслил себе другой, как внезапно наступила свобода — мать умерла, и он разом почувствовал себя хозяином большой квартиры в старинном доме с высокими потолками и чердаком. Надо было что-то делать с вещами матери. Он очистил ее комнату полностью, но что делать с чердаком — не знал... Старые пальто в количестве пяти штук он выкинул не глядя, так же как потертые на сгибах занавески, два чугунных утюга, коробки со старыми нитками для вязания, аккуратные юбки из материнской молодости. Немного поколебавшись, выкинул старые резиновые сапоги в хорошем состоянии. Потом настал черед старых журналов и брошюр,

перевязанных бечевкой. Первый экземпляр, выцветший до неузнаваемости, назывался «Учебник акушерства и гинекологии». Зачем мать это хранила, непонятно... Книги отправились на свалку, как пальто и другие вещи. Но там, между книгами, он нашел старые тетради, хранившиеся в двойном полиэтиленовом пакете. Он развернул их и стал читать записи... И чем больше читал, тем страшнее ему становилось... Но вместе с тем в него проникал какой-то сладкий ужас. «А ты бы так смог?» — шептал непонятно чей голос. Почему бы и нет... Отрубленные человеческие руки. Роза...

Он понял, что в скором времени переедет в Москву и разыщет ту самую девочку, в которую когда-то был влюблен. Но прежде сделает небольшую пластическую операцию, чтобы его никто не мог узнать. Продаст квартиру и уедет...

МОСКВА. НАШИ ДНИ...

Павел Рудягин подумал о том, что еще несколько лет назад он и не мечтал жить в Москве, тем более обладать квартирой в историческом центре Первопрестольной. Многие считали, что Павлу Рудягину сказочно повезло. Из небольшого городка в Ярославской области переехать в Москву было пределом мечтаний для многих. Паша отнесся к этому философски спокойно. Дело в том, что в душе он не верил

случившемся. Ему казалось, что он просто самозванец, которого скоро разоблачат, и он вернется на свое место, то есть обратно в родной город. Честно говоря, он был бы этому рад. Он толком не привык к Москве и не мог ответить на вопрос, почему все рвутся в большой мегаполис. Еда невкусная, воздух загазованный, люди злые... Может быть, он чего-то не понимает? Отстал от жизни. Он говорил сам с собой, словно хотел кого-то убедить в собственной правде. Но по большому счету — кого и зачем?

Память его возвращалась к моменту, когда он узнал о том, что стал обладателем столичной недвижимости. Утро началось как обычно — отец уходил на работу, мать готовила им с сестрой завтрак. Неожиданно раздался звонок от московской родственницы, она всхлипывала и причитала, что Нина Семеновна умерла, а квартиру оставила сыну двоюродной племянницы, то есть ему, Паше. Более близкие родственники, претендовавшие на квартиру, к Нине Семеновне не ездили, отделяваясь редкими визитами раз в полгода. Привозили с собой дежурные наборы конфет и фруктов и благополучно сваливали до следующего посещения, редко звонили и не справлялись, как дела... Понятно, почему старушка прокатила их с наследством. Но почему ее выбор пал на него? На Павла? Этого никто толком не мог объяснить. Мать вспомнила, что когда-то она собиралась по молодости, по глупости поступать в теа-

тральный. Приехала в Москву и остановилась на это время у Нины Семеновны. Та приняла ее и помогла подготовить басню «Стрекоза и Муравей» и монолог Софьи из «Горя от ума». В театральном мать не поступила, уехала к себе домой, подала документы в ярославский вуз, вышла замуж... На этом контакты с тетушкой оборвались. Мать регулярно отправляла Нине Семеновне поздравления и открытки — впоследствии Павел нашел их у нее дома, аккуратно сложенные в первом ящике буфета — и это были все их контакты...

Когда раздался звонок родственницы, все подумали, что это розыгрыш, но все оказалось правдой, и с этим новым поворотом в жизни надо было что-то делать. Сначала Паша старался просто успокоиться, потому что от неожиданного известия пульс его стал учащенным. О Москве он никогда не думал. А тут... Принесли все на голубом блюдечке, сказала школьная учительница, которая упорно ставила ему тройки, не обращая внимания на старания. Она попросту не любила Пашу, хотя ее предмет — алгебру — он знал на твердую четверку.

Эх, блюдечко, эх, голубая каемочка. Все это не так...

С того момента, когда он мог на законных основаниях вступить в права наследования квартирой, прошло полгода. И вот он с родителями выехал в Москву, чтобы поселиться на новом месте. Паша старался хранить безучаст-